

Их короткий роман

Автор:

[Шантель Шоу](#)

Их короткий роман

Шантель Шоу

Любовный роман – Harlequin #316

Наученный горьким опытом, миллиардер Лукас Христакис взял за правило никогда не доверять женщинам. Его младшая сестра Ларисса, которая в скором времени собирается выйти замуж, – единственное существо женского пола, чьи интересы ему важны. Он с большим трудом соглашается на то, чтобы свадебное платье Лариссы шила начинающий модельер Белль Андерсен, но только при условии, что он будет лично все контролировать...

Шантель Шоу

Их короткий роман

Эта книга является художественным произведением. Имена, характеры, места действия вымышлены или творчески переосмыслены. Все аналогии с действительными персонажами или событиями случайны.

Chantelle Shaw

AFTER THE GREEK AFFAIR

Все права на издание защищены, включая право воспроизведения полностью или частично в любой форме. Это издание опубликовано с разрешения «Арлекин Энтепрайзиз II Б.В./С.а.р.л.».

Иллюстрация на обложке используется с разрешения «Арлекин Энтепрайзиз II Б.В./С.а.р.л.».

Товарные знаки Harlequin и «Арлекин» принадлежат «Арлекин Энтепрайзиз лимитед» или его корпоративным аффилированным членам и могут быть использованы только на основании сублицензионного соглашения.

Глава 1

Белль Андерсен достала из сумочки мобильный телефон и прочла сообщение от Лариссы Христакис о том, как добраться до Ауры – личного острова Лукаса, ее брата.

«Я собираюсь выходить замуж на Ауре и была бы рада, если бы ты приехала на остров перед началом работы над моим платьем. Паром до острова Кеа отправляется из порта Лаврион под Афинами. Сообщи, когда собираешься приехать, и я направлю к тебе лодку, которая довезет тебя до Ауры».

Паром прибыл на Кеа десять минут назад; с него спускались последние пассажиры. Вдали, у набережной, несколько рыбацких лодок плавно покачивались на кобальтово-синей морской глади, отражавшей безоблачное небо. Портовый городок Кориссия смотрелся очень живописно: гавань обрамляли ряды сверкающих на солнце белоснежных домиков с терракотовыми крышами, а за ними высились зеленые холмы, устланные разноцветным ковром из полевых цветов.

Белль оценила красоту окрестностей, но после четырехчасового перелета до Афин и часа на пароме ей больше всего хотелось добраться до места назначения. «Одна из рыбацких лодок, возможно, прислана за мной», – подумала

она, прикрывая глаза рукой от солнца. Неподалеку стояла, болтая о чем-то своем, компания рыбаков, но они не обращали на Белль никакого внимания. Другие пассажиры парома уже исчезли на улицах города. Вздохнув, она подобрала чемоданы и зашагала по направлению к рыбакам.

Майское солнце казалось ей особенно ласковым после серого и промозглого Лондона. Она вспомнила реакцию своего брата Дэна на новость о том, что следующую неделю она проведет в Греции, в то время как он останется в их старом плавучем доме на Темзе, в котором протекал пол.

– Надеюсь, развлекаясь с греческим миллиардером на его райском острове, ты хоть разок вспомнишь о своем брате! – поддразнил ее Дэн. – Пока ты будешь загорать, мне придется опять заниматься ремонтом, а потом я отправлюсь в Уэльс на фотосъемку.

– Я буду работать, а не нежиться на солнышке, – заметила Белль, – и не думаю, что у меня будет много времени на общение с Лукасом Христинисом. Ларисса рассказала, что ее брат проводит большую часть времени работая в офисах своей компании или занимаясь проектами в разных уголках мира. Даже дата Лариссиной свадьбы была согласована с графиком Лукаса.

В разговорах с ней Ларисса часто упоминала о своем брате, и было ясно, что она его обожает. Но у Белль сложилось впечатление, что Лукас Христинис привык добиваться своего, и она подозревала, что Ларисса слегка его побаивается. Даже то, что ее попросили сшить свадебное платье для Лариссы и двух подружек невесты за пять недель, а не за шесть месяцев, как обычно, было отчасти решением Лукаса. Конечно, Лукас не был виноват в том, что модельер, у которой Ларисса изначально заказывала платье, столкнулась с какими-то личными проблемами и исчезла (Ларисса не рассказывала подробностей произошедшего), но, настояв на том, чтобы свадьба, как и планировалось изначально, состоялась в конце июня, он заставил Лариссу сильно понервничать. Девушка чуть не расплакалась, придя в ателье свадебных платьев Белль неделю назад, и вздохнула с облегчением, когда та заверила ее, что платье будет готово в срок.

Белль нахмурилась, вспоминая дрожь в голосе Лариссы, когда та просила ее приехать на Ауру и начать работу как можно скорее. Она еще не была знакома с Лукасом Христинисом, но уже испытывала инстинктивную неприязнь к нему. Она скривилась, но тут же одернула себя – несправедливо переносить свою

неприязнь к Джону Таунсенду, деспотичному человеку, которого она с детства считала своим отцом, на всех остальных мужчин. Вполне возможно, что брат Лариссы очарователен – во всяком случае, многие женщины придерживались именно такого мнения, судя по газетным сплетням о его бурных отношениях с несколькими любовницами.

В морской дали что-то промелькнуло. Белль остановилась и увидела моторную лодку, которая мчалась к гавани, оставляя за собой шлейф пены. Лодка замедлила ход, приблизившись к причалу. Она смотрелась очень эффектно, но все внимание Белль привлек мужчина за штурвалом. Ее сердце забилося быстрее. Когда Ларисса сказала, что кто-то заберет ее с Кеа и отвезет на Ауру, Белль и в голову не могло прийти, что это будет сам Лукас Христакис. Фотографии Лукаса в газетах, которые она видела, не шли ни в какое сравнение с реальностью. Хотя на них и была достоверно запечатлена его внешность – зачесанные назад густые черные волосы, квадратный подбородок и чувственный рот, – никакая фотография не была способна передать исходившую от него ауру первобытной силы, его магнетизм, властно приковывавший внимание и не позволявший отвести от него глаз.

– Вы Белль Андерсен?

В его низком хриловатом голосе с греческим акцентом чувствовалась такая мужская мощь, что по всему телу Белль пробежали мурашки. Ее бросило в жар, и кожа вдруг стала настолько чувствительной, что она ощутила легкое трение кружевного бюстгалтера о соски.

– Д-да... – Голос Белль, к ее смущению, прозвучал как сдавленное кваканье.

Ее сердце заколотилось еще сильнее, когда Лукас, причалив к набережной и набросив канат на швартовую тумбу, выпрыгнул на берег.

– Я – Лукас Христакис, – объявил он.

Уверенный в своей неотразимости, он двигался с грацией, необычной для его высокого роста. Его длинные, стройные ноги были туго обтянуты потертыми джинсами, под черной футболкой просматривались накачанные мышцы пресса, а в ее вырезе виднелась загорелая кожа и курчавые черные волоски на груди.

«Боже, так вот он какой!» – Белль нервно сглотнула. Еще никогда в жизни ее так не волновало присутствие мужчины. Ее сердце бешено колотилось, а ладони вспотели. Она хотела было произнести какую-нибудь дежурную фразу о погоде, чтобы разрядить напряжение между ними, но во рту у нее пересохло, а мозги, казалось, перестали работать. Жаль, что на нем темные очки – может, если бы она видела его глаза, то не так смущалась бы – хотя и в этом она не была уверена.

Наконец Белль вспомнила, что их встреча носит деловой характер. Она протянула ему руку и тихо произнесла:

– Очень приятно, мистер Христакис. Ларисса говорила мне о вас, когда была в моем ателье в Лондоне.

Его рукопожатие было крепким, и она вновь ощутила его властность и силу. Его мощная фигура возвышалась над ней, и, сама того не желая, Белль мысленно поинтересовалась, каково это – быть прижатой к его широкой груди.

Он отпустил ее руку, но вместо того, чтобы отойти в сторону, взял ее за предплечье.

– Я тоже очень рад с вами познакомиться, мисс Андерсен.

Тон его голоса был небрежным, и Белль различила в нем нотку нетерпения.

– Мне нужно с вами поговорить. Присядем где-нибудь?

Не дожидаясь ее ответа, он поднял самый большой из ее чемоданов, взял ее под локоть и повел через улицу к кафе, к столикам под полосатым тентом. Белль с трудом поспевала за ним на своих трехдюймовых каблуках. Она с негодованием взглянула на Лукаса, но прежде, чем она успела раскрыть рот, он выдвинул стул и властно усадил Белль на него.

«Прелестное кафе, туристам наверняка очень нравится подолгу сидеть здесь, любуясь красотой гавани», – подумала Белль, наблюдая, как Лукас усаживается напротив. Но она приехала в Грецию работать, и ей хотелось поскорее приступить к делу.

– Мистер Христакис...

– Не хотите ли что-нибудь выпить?

К их столику тут же подошел официант. Лукас, не дожидаясь ответа Белль, быстро заговорил с юношей по-гречески. Единственным словом, которое поняла Белль, было «рецина», название греческого вина.

– Я бы предпочла фруктовый сок, – быстро сказала она.

Официант взглянул на Лукаса – казалось, он едва ли не просит у него разрешения принести Белль напиток, который та заказала. Белль раздраженно посмотрела на часы и заметила, что прошло восемь часов с момента ее выхода из дома утром. Ей было жарко, она устала после долгой поездки и была не в настроении потакать желаниям такого эгоистичного мужчины.

– Мистер Христакис, я вообще не хочу ничего пить, – решительно проговорила она. – Вместо этого я бы хотела сразу отправиться на Ауру. У меня всего месяц с небольшим на то, чтобы сшить свадебное платье для вашей сестры, поэтому я предпочла бы немедленно приступить к работе.

– Согласен. – Лукас снял очки и окинул Белль спокойным оценивающим взглядом. – Именно об этом я и хочу с вами поговорить.

Его глаза были серыми, цвета гальки, и их выражение было жестким и бескомпромиссным. Белль почувствовала разочарование, заметив неприветливость в его взгляде. И почему только она думала, что ее интерес к нему может быть взаимным? Самым нелепым было то, что она хотела, чтобы он был взаимным. Но она тут же с негодованием отмела эту мысль и заставила себя взглянуть в глаза Лукасу, сознавая, как сильно бьется ее сердце. Она внимательно рассмотрела его лицо – черные брови, крупный нос, полный, чувственный рот и легкую щетину на подбородке, которая только усиливала его дерзкую мужественность. Она представила, как эти губы касаются ее собственных – сначала слегка, игриво, а потом жадно и страстно завладевают ее ртом. Она поразилась как ясности картины, возникшей в ее воображении, так и смелости собственных мыслей, и почувствовала, как горят ее щеки.

Лукас смотрел на нее оценивающим взглядом. Неужели он прочел ее мысли? Ужаснувшись, она покраснела еще сильнее. Все в нем источало крайнюю самоуверенность – от гордой посадки головы до снисходительности, граничащей с бесцеремонностью, с которой он разглядывал ее. «Конечно же он знает о своем магическом воздействии на женщин и пользуется им», – мрачно подумала Белль, желая провалиться сквозь землю.

«Похоже, жизнь нарочно подсовывает мне лишние проблемы», – раздраженно подумал Лукас, наблюдая, как щеки женщины, сидевшей напротив, покрываются румянцем смущения. Он полагал, что не составит никакой трудности сообщить Белль Андерсен, что планы изменились и что теперь ей уже не нужно работать над свадебным платьем для его сестры, вручить ей чек на приличную сумму, которая покроет ее расходы на дорогу, и проводить ее на следующий паром до Афин. Однако теперь он был зачарован взглядом васильково-синих глаз, обрамленных длинными темными ресницами и взиравших на него с беззащитностью, которая показалась ему интригующей.

Он не ожидал, что она окажется такой красивой; еще удивительнее было то, как она на него действовала. Он знал толк в женщинах – всю жизнь его окружали красавицы, он встречался со многими топ-моделями и светскими львицами и предпочитал высоких, грациозных и утонченных дам. Белль же была миниатюрной и хрупкой, но с того мгновения, как он увидел ее на набережной, она полностью завладела его вниманием, и теперь он не мог оторвать глаз от ее лица. Ее черты были изысканны: потрясающей красоты синие глаза, маленький аккуратный носик, высокие скулы и нежные розовые губы, казавшиеся ему весьма соблазнительными. Ее волосы были скрыты под широкополой шляпой, но, судя по светлому, почти как у жительниц Скандинавии, тону кожи, она наверняка была блондинкой. Кремового цвета шляпа с черной окантовкой идеально подходила к мастерски скроенным юбке и пиджаку. Черные туфли на шпильках и сумочка великолепно дополняли ее наряд.

«Интересно, не сама ли она создала этот элегантный костюм в стиле 1950-х годов?» – подумал Лукас. Если так, то у него нет причин не доверять ей работу над свадебным платьем сестры. Однако он почти сразу же прогнал эту мысль: Белль Андерсен была темной лошадкой. Вчера вечером, когда Ларисса сообщила ему, что выбрала нового дизайнера своего свадебного платья, он разыскал информацию о «Веддинг Белль», ателье свадебных платьев Белль, в Интернете и узнал, что капитал фирмы был невелик, а в прошлом году ее работа почти не

принесла прибыли. Иными словами, компания Белль испытывала финансовые затруднения – так же как и «Демакис дизайне», где Ларисса изначально заказывала платье.

Лукас винил себя в том, что за пять недель до свадьбы у его сестры все еще нет свадебного платья. Если бы он искал информацию о Туле Демакис в Интернете, он узнал бы, что у дизайнера серьезные финансовые проблемы и что ее бизнес находится на грани банкротства. Но, когда Ларисса выбрала Тулу, он был за границей и не знал, что его доверчивая сестра выплатила этой женщине полную стоимость платья авансом.

Это было шесть месяцев назад, и по мере того, как приближался день свадьбы, Тула Демакис придумывала все менее правдоподобные отговорки для объяснения задержки в подготовке платья, о которых Ларисса, к сожалению, ничего не сказала брату до тех пор, пока незадачливая модельерша не исчезла вместе с деньгами.

«Возможно, это я виноват в том, что моя сестра так наивна», – угрюмо подумал Лукас. Но сестра была для него всем – на протяжении большей части ее жизни он заменял ей отца и, наверное, слишком опекал ее. С приближением свадьбы он решил взять на себя заботы о ее организации и попросил свою приятельницу, всемирно известного дизайнера Жаклин Джеймсон, сшить платье для Лариссы, причем до вчерашнего вечера не знал, что его сестра уже выбрала нового дизайнера.

«Может быть, несправедливо подозревать мисс Андерсен в нечестности только потому, что Тула Демакис оказалась аферисткой», – размышлял Лукас. Однако, в отличие от Лариссы, он никому не доверял – этот урок он выучил на собственном горьком опыте. «Вполне возможно, что эта англичанка действительно надежный и добросовестный работник, но как бы Лариссу снова не обманули», – думал он.

Лукас откинулся на стуле и стал внимательно изучать тонкие черты Белль. Да, она невероятно привлекательна, но он должен руководствоваться только интересами сестры. Его неожиданное влечение к Белль не имело для него значения, и он был уверен, что забудет ее через несколько минут после того, как проведет до паромы. Хотя в других обстоятельствах он, ни минуты не раздумывая, затащил бы ее к себе в постель...

Белль хотелось, чтобы Лукас Христакис перестал ее разглядывать. Все это действовало ей на нервы, и, когда принесли напитки, она начала жадно пить сок – просто потому, что это отвлекало ее от его волнующего присутствия.

– Так вы все-таки хотели пить, – сухо заметил Лукас.

– Неудивительно, я же весь день провела в дороге, – ответила она.

Бесстрастные серые глаза поймали ее взгляд.

– Я знаю, и очень благодарен вам за это. Но вынужден вас огорчить – ваше путешествие было напрасным. Моя сестра выбрала другого дизайнера и больше не нуждается в ваших услугах.

В течение нескольких секунд Белль молча смотрела на него, пораженная.

– Но...

– Надеюсь, это компенсирует ваши расходы на дорогу и потраченное время, – мягко сказал Лукас, открывая бумажник и протягивая ей чек.

Белль молча взяла бумагу. Цифра, нацарапанная черной ручкой, в сто раз превышала ее расходы на поездку, но ничуть не уменьшала ее разочарования.

– Я не понимаю... – медленно проговорила она. – Только вчера я получила сообщение от Лариссы, она очень радовалась тому, что я буду шить ее платье, и писала, что ждет моего приезда с нетерпением. Вы хотите сказать, она передумала?

Лукас слегка замялся, прежде чем ответить (на этот раз Белль была уверена, что это ей не померешилось), но его голос был ровным и даже извиняющимся.

– Боюсь, это так, – тихо произнес он.

Белль не знала, что сказать. Новость о том, что Ларисса передумала, обескуражила ее. Она снова взглянула на чек, и ее глаза затуманились слезами.

«Плакать глупо», – подумала она, злясь на себя. Но это был ее шанс – свадьба Лариссы должна была стать самой пышной и красивой в этом году.

Лукас Христакис был одним из самых богатых людей в Греции – в последних новостях говорилось, что недавно он стал миллиардером. Если учесть тот факт, что он родился в бедной семье, это было огромным достижением. В Греции он был национальным героем, а в США, где он начал свой бизнес по развитию недвижимости, – знаменитостью. На свадьбу его единственной сестры был приглашен весь высший свет.

– Я не знакома и с половиной гостей, – призналась Ларисса Белль. – Честно говоря, я была бы рада и менее пышной свадьбе. Но я знаю, что Лукас решил сделать свадьбу самым памятным днем моей жизни, так что мне грех жаловаться.

Заказ на пошив платья невесты для такой громкой свадьбы мог бы стать звездным часом для ее фирмы – он привлек бы к «Веддинг Белль» внимание прессы и заказчиков и, более того, позволил бы ей выплатить долги, тем более что как раз сейчас банк угрожал досрочным взысканием кредита, взятого Белль для открытия дела.

Но разочарование Белль было связано не только с упущенной возможностью. Дело было еще и в том, что ей сразу же понравилась Ларисса, и она очень сочувствовала ей, узнав, что выбранный ранее дизайнер ее обманул. Во время их встречи в Лондоне Ларисса с восхищением разглядывала портфолио Белль, перебирая образцы старинного французского кружева, перья марабу и прочие отделочные материалы, как ребенок в магазине игрушек. Ее восторг был заразителен – но что же произошло теперь, почему она решила выбрать другого дизайнера? «Тут явно что-то не так», – думала Белль. И тут она вспомнила фразу, произнесенную Лариссой во время посещения ателье:

– Лукас хочет, чтобы над моим платьем работала Жаклин Джеймсон.

Белль было знакомо это имя. Жаклин Джеймсон, любимый дизайнер знаменитостей со всего мира. Как минимум четыре голливудские актрисы были в ее платьях на церемониях вручения самых престижных кинопремий в прошлом году. Белль была очень польщена тем, что Ларисса хотела выйти замуж в платье от Белль Андерсен, но, по-видимому, в последнюю минуту девушка

передумала... или поддалась на уговоры брата.

Белль с подозрением взглянула на надменные черты мужчины, сидевшего напротив, – тяжелый подбородок, стальной блеск в глазах. Не он ли заставил Лариссу выбрать другого дизайнера – того, который нравится ему самому? Возможно, Лукас решил воспользоваться свадьбой сестры для демонстрации своего богатства и настоял на том, чтобы над платьем Лариссы работал всемирно признанный дизайнер. Выяснить, что же все-таки произошло, можно было только одним способом – позвонив Лариссе. Белль достала из сумочки телефон.

Лукас больше не выглядел спокойным – наоборот, он пристально и напряженно смотрел на нее.

– Вам нужно позвонить прямо сейчас? – спросил он, нахмурившись.

– Я договаривалась с вашей сестрой, – ответила она, с облегчением отметив, что ее голос звучит спокойно, в то время как внутри у нее все кипело. – Я всего лишь хочу спросить Лариссу, довольна ли она своим решением пригласить другого дизайнера вместо меня. – Белль замялась, почувствовав, как холодок пробежал по ее спине, когда ее взгляд встретился с тяжелым взглядом серых глаз Лукаса. – Надеюсь, Ларисса приняла это решение сама, а не под давлением со стороны.

Глава 2

– Прошу не вмешивать в это дело мою сестру. – Лукас потянулся через стол и вырвал телефон из рук Белль.

Отчаянным движением она попыталась забрать его обратно, но он оказался проворнее – телефон уже был вне пределов ее досягаемости.

– Как вы смеете? Отдайте телефон. И что значит – не надо вмешивать вашу сестру? Ваша сестра имеет самое прямое отношение к делу. Речь идет о ее желаниях – или вы забыли об этом? – резко парировала Белль.

Лукаса поразила ее дерзкий тон. Много лет назад он был бедным эмигрантом, жившим в одном из самых неблагополучных районов Нью-Йорка, но теперь, став бизнесменом-миллиардером, он привык к почтительному обращению со стороны всех, с кем общался. Он не потерпит, чтобы ему дерзила какая-то малоизвестная английская модельерша, чей бизнес находится на грани банкротства.

– Я знаю, что лучше для моей сестры – и при всем уважении, мисс Андерсен, я считаю, что вы не тот модельер, который ей нужен.

Белль была обескуражена его высокомерной уверенностью. Но что в этом удивительного? Лукас Христинис имел репутацию безжалостного индивидуалиста, не стеснявшегося идти по головам, чтобы добиться своей цели. Он смотрел на нее хищным, расчетливым взглядом, но Белль слишком много лет провела под властью тирана. Теперь, когда она наконец освободилась от Джона Таунсенда, она не позволит ни одному мужчине унижать ее.

– Так Ларисса не передумала – или я не права? – с вызовом произнесла она. – Это вы решили, что над ее платьем будет работать Жаклин Джеймсон. Но почему? Вы когда-нибудь видели хоть одно из моих платьев? Почему вы так уверены, что я не смогу сшить Лариссе то, о котором она мечтает?

Услышав воинственный тон Белль, Лукас сжал зубы, но, к своему раздражению, почувствовал укол совести.

– Нет, я не видел ни одной из ваших работ, – признал он.

Несмотря на свой гнев, Белль невольно опустила взгляд к его широким плечам. «Он наверняка занимается в тренажерном зале», – подумала она. Когда ее взгляд скользнул к накаченным бицепсам, у нее защемило под ложечкой. Его кожа была бронзового оттенка, а на предплечьях росли тонкие черные волоски.

Вдруг она услышала, что Лукас снова заговорил, и поспешно отогнала мысли о его теле, которое так волновало ее.

– Но вы правы, я бы действительно хотел, чтобы платье для Лариссы шила Жаклин. Она – друг нашей семьи и известный дизайнер. А о вас я никогда не слышал, – прямо сказал он. – Все, что я знаю о «Веддинг Белль», – это то, что она существует всего три года. Честно говоря, я не уверен, что у вас достаточно

опыта для пошива свадебного платья высшего качества для моей сестры, а также что вы сможете выполнить заказ так быстро. Жаклин же управляет своей компанией уже двадцать лет, и я знаю – она способна сшить потрясающее свадебное платье в такой короткий срок.

– Но и я могу это сделать – только если вы дадите мне шанс. – Белль наклонилась к Лукасу, глядя ему в глаза. – Я готова работать день и ночь, чтобы сшить Лариссе то платье, о котором она мечтает. – Видя, что выражение лица Лукаса не смягчилось, она разочарованно покачала головой. – Ларисса выбрала именно меня. Это хоть что-нибудь для вас значит?

– Мою сестру уже подвел первый дизайнер, которого она выбрала. Когда она исчезла, мне пришлось утешать Лариссу несколько дней, и я считаю, что имею полное право защитить ее от дальнейших разочарований, – резко ответил Лукас. – Я понимаю, вы надеялись, что этот заказ поможет вашему бизнесу пойти в гору, но я заплатил вам большие деньги за потраченное время.

Белль опустила глаза к чеку, который держала в руке.

– Так, значит, этот чек, по существу, взятка? – проговорила она. До сих пор она не понимала, почему Лукас выплатил ей сумму, которой хватило бы на кругосветное путешествие на роскошном теплоходе, вместо того чтобы просто возместить ей затраты на авиабилет в Грецию, но теперь все стало ясно. – Вы ожидаете, что я возьму деньги и уеду обратно в Англию, и у Лариссы не останется никакого выбора, кроме как согласиться на то, что ее платье будет шить Жаклин Джеймсон, а вы все-таки добьетесь своего. Боже мой! – Она с отвращением взглянула на него. – Вы же просто настоящий тиран!

Лукас ударил ладонью по столу – так громко, что Белль вздрогнула.

– Я не намерен извиняться за то, что хочу защитить свою сестру, – прорычал он. – Она доверилась Туле Демакис, но этой мошеннице нужно было лишь одно – вытянуть из нее как можно больше денег. Теперь до свадьбы остается всего пять недель, и я не хочу, чтобы Ларисса снова подвергала себя такому же риску.

У Белль упало сердце при виде неумолимого выражения на лице Лукаса.

– Действительно, дела «Веддинг Белль» идут не так хорошо, как я надеялась, – честно призналась она. – Но сейчас очень многие компании переживают тяжелые времена из-за кризиса.

Три года назад Белль была полна энтузиазма: вскоре после окончания художественного колледжа она потратила небольшое наследство, оставшееся от матери, на оплату первого года аренды своей студии. Даже язвительная реплика Джона о том, что у ее дела нет шансов выжить в мире моды, где каждый готов перегрызть конкуренту глотку, не поколебала ее оптимизма. Белль было наплевать на его мнение – узнав, что он ей не отец, она больше не собиралась мириться с его желанием контролировать ее жизнь.

«Почему же некоторые мужчины прямо-таки испытывают потребность властвовать над другими людьми?» – подумала она, взглянув на горделивые черты Лукаса. Он сказал, что хочет защитить сестру, но Белль казалось, он, как и Джон Таунсенд, просто привык всегда настаивать на своем. «Убеждать его бесполезно», – устало подумала она. Но воспоминание о радости Лариссы при посещении ее студии в Лондоне заставило ее вновь попытаться.

– Не отрицаю, эта свадьба принесла бы огромный успех моему делу. Но я хочу работать над платьем для Лариссы не поэтому. – Она проигнорировала скептическое выражение на лице Лукаса. – Я люблю свою работу, это моя страсть, и, даже если бы свадьба Лариссы была скромной, с небольшим числом гостей и без всякой огласки в прессе, я все равно была бы рада, что она выбрала меня в качестве дизайнера. – Она разорвала чек пополам и толкнула обрывки по столу в направлении Лукаса. – Мне не нужны ваши деньги. Я хочу работать над платьем Лариссы потому, что она мне нравится. Когда она пришла ко мне в студию, между нами сразу же возникла симпатия, и я была бы рада показать ей мои задумки. – Она выдержала взгляд его стальных глаз не моргая. – Дайте мне шанс, мистер Христакис, и я обещаю, что не подведу вашу сестру.

Ее глаза были цвета небесной лазури в летний день. Лукас был околдован ее красотой, зачарован вдохновенным выражением ее лица и быстрыми, резкими движениями рук, которыми она подкрепляла свою речь, желая подчеркнуть важность вопроса. Она напомнила ему красивую, хрупкую бабочку, похожую на тех, что порой садились на кусты бугенвиллеи, оплетающие стены его виллы.

«Что за нелепые фантазии опять лезут мне в голову?» – раздраженно спросил он сам себя. Он был пленен Белль Андерсен, и какая-то невидимая сила заставила

его представить ее обнаженной на его кровати, с пылающими щеками и глазами, потемневшими от желания.

- Вы замужем, мисс Андерсен?

Белль закрыла глаза и быстро вдохнула. Ее сердце заколотилось. На несколько секунд ей показалось, что Лукас хочет поцеловать ее. Его лицо было так близко, что она чувствовала его дыхание на губах. Она была почти разочарована тем, что этого не произошло.

- Нет... Нет, я не замужем, - пробормотала она, осознавая, что не хочет разрушать хрупкое, неуловимое нечто, повисшее в воздухе между ними. - Почему вы спрашиваете?

- Я хотел бы знать, не является ли ваша страсть... - он запнулся на долю секунды, задержав взгляд на ее губах, - к дизайну свадебных платьев следствием вашего собственного опыта как невесты.

Белль отрицательно покачала головой:

- Моя страсть - искусство. Меня вдохновляет история. В данный момент я очарована пышностью Версальского дворца во времена Людовика Четырнадцатого - он считается одним из самых красивых памятников французского искусства восемнадцатого века. Я несколько раз была в этом дворце и уходила из него с идеями, которые потом воплощала в своих платьях. Моя цель - преобразовать картины, возникающие в моей голове, в платья, невероятно красивые, но в то же время удобные и практичные. Я считаю, невеста в день свадьбы должна чувствовать себя комфортно и уверенно в своем платье... - Белль прервала монолог, осознав, что все это время говорила не переставая. - Вот, - застенчиво добавила она. Ей казалось, что, демонстрируя свой энтузиазм, она больше походит на неуклюжего подростка, чем на профессионала.

«Она очень увлечена своим делом, - думал Лукас, не в силах оторвать взгляд от ее прекрасного лица. - Может, имеет смысл забыть об опасениях и довериться выбору Лариссы?»

- Как моя сестра узнала о вас? - отрывисто спросил он.

– Она увидела мои платья в журнале мод «Икона стиля».

Лукас удивленно поднял брови:

– Вы, должно быть, известнее, чем я думал, если ваши работы привлекли внимание редактора «Иконы стиля». Этот журнал – самый продаваемый и авторитетный журнал мод в мире.

– Надо сказать, что мне повезло, – честно объяснила Белль. – Мой брат делал свадебную съемку для этого журнала. Может, вы о нем слышали? Его зовут Дэн Таунсенд, он известный фотограф моды. Когда один из дизайнеров в последний момент отказался от публикации в журнале, Дэн убедил редактора «Иконы стиля» использовать несколько платьев из моей коллекции.

Лукас был невольно заинтригован Белль. Ее личная жизнь его не касалась, напомнил он себе, но по какой-то непонятной причине ему хотелось узнать о ней больше.

– Почему у вас с братом разные фамилии?

Белль замялась, но напомнила себе, что не нужно стыдиться правды. Она не виновата в том, что оказалась внебрачным ребенком. Узнав правду о своем рождении, она сама решила официально сменить свою фамилию с Таунсенд на Андерсен, девичью фамилию матери.

– У нас разные отцы.

Это было единственным, что огорчило Белль, когда выяснилось, что Джон не являлся ее биологическим отцом. Но Дэн настаивал, что это не имеет значения.

– Ты все равно останешься моей сестренкой, – мягко сказал он. – Думай о хорошем – главное, что ты не приходишься родственницей самому неприятному человеку на Земле. Это мне придется мириться с мыслью, что из-за мамино нежелания разводиться с моим отцом ты так и не узнала своего.

«Мама умерла и унесла эту тайну с собой в могилу», – удрученно думала Белль. Теперь у нее нет возможности выяснить, кто же все-таки был ее настоящим

отцом, хотя она постоянно думала о нем на протяжении последних трех лет – с тех пор, как в день похорон ее матери Джон сообщил ей, что она ему не дочь.

«Если бы только Гудрун сказала мне правду!» Но Белль быстро отмела эту мысль. Глупо злиться на свою мать и считать, что женщина, которую она любила больше жизни, предала ее. Наверняка Гудрун полагала, что поступает правильно, не говоря Белль правду о ее отце. Более того, у нее не было выбора – Джон угрожал, что в случае развода он не позволит ей видеться с Дэном. Он согласился воспитывать ребенка, рожденного от ее любовника, как своего собственного – при условии, что их брак не будет расторгнут.

«Ни в коем случае нельзя запрещать женщине видеться со своим ребенком», – размышляла Белль. Гудрун ставила любовь к сыну выше своего собственного счастья, но из-за этого детство Белль было несчастливым – она не могла понять, почему мужчина, которого она считала своим отцом, презирал ее. «Как же все запутано, – грустно подумала она, – и все потому, что мама вышла замуж не за того человека». В своем дневнике Гудрун писала, что за несколько месяцев до свадьбы она поняла, что брак с Джоном был ошибкой, но она уже была беременна Дэном, поэтому ей и пришлось жить с нелюбимым человеком. Белль поклялась себе никогда не совершать этой ошибки. Ей нравилось шить красивые, романтичные свадебные платья, но идея пожертвовать своей независимостью ради мужчины совсем не привлекала ее – особенно если речь шла о таком мужчине, как Лукас Христакис. Эта мысль пришла ей в голову, когда она любовалась его мужественными чертами. Да, в своей жизни она не встречала мужчины красивее Лукаса; он мог быть обворожительным, когда ему это было нужно. Но он был слишком жестким, слишком властным. Убеждать его – только зря тратить время: об этом ясно говорили плотно сжатые челюсти Лукаса. Разочарование тяжелым камнем легло ей на сердце. Она допила сок, поставила стакан на стол и взяла сумочку.

– Хорошо, мистер Христакис, ваша взяла. Если я уеду в Афины на следующем же пароме, я еще успею на вечерний рейс в Лондон. – Она помолчала и спросила: – Можно ли придумать объяснение для Лариссы, почему я не смогу сшить ее платье – семейные обстоятельства или еще что-нибудь? Я не желаю, чтобы она сочла, что я просто исчезла – даже если бы вам хотелось, чтобы она так и считала, – с упреком добавила она.

Лукас ответил не сразу. Он молчал, а выражение серых глаз не выдавало его мыслей.

– Вам важно мнение Лариссы? – наконец спросил он.

– Конечно, важно. – Белль нетерпеливо взглянула на него. – Ларисса – прекрасный человек, и я не хочу, чтобы она считала, что я ее подвела. Я знаю, это меня не касается, но я думаю, вы поступаете неправильно, вмешиваясь в ее жизнь, даже если делаете это из лучших побуждений.

– Вы правы, мои отношения с сестрой вас не касаются, – прорычал Лукас, задетый за живое ее словами. Он не хотел контролировать Лариссу – сама мысль об этом была нелепой. Он просто желал ей добра и заботился о ней, как и обещал своим родителям.

Его мысли обратились к прошлому, которое до сих пор не давало ему покоя.

– Теперь ты мужчина, сынок, береги маму и сестру, – проговорил его отец, умирая от пуль, выпущенных ему в живот двумя молодыми панками-наркоманами.

В то время Лукасу только исполнилось шестнадцать, и он был совершенно раздавлен как горем, так и огромной ответственностью, свалившейся на него. Через два года мать, сжав его руку своей, такой худой, что под тонкой как пергамент кожей были видны все вены, сообщила ему печальную новость. У нее последняя стадия рака, и шансов выжить не оставалось. Не имея ни страховки, ни денег на лекарства, которые могли бы продлить ее жизнь, она быстро угасла.

– Береги Лариссу, – произнесла она свои последние слова. Стоя у ее постели и обреченно глядя, как она покидает мир, Лукас дал ей слово.

«Какое право имеет Белль Андерсен критиковать меня?» – в гневе подумал он. Она и представить себе не могла, каково было ему в восемнадцать лет узнать, что теперь он – единственный человек, отвечающий за свою шестилетнюю сестру. Его жизнь была нелегкой, и он провел много бессонных ночей, боясь, что не справится. Еще бы он не опекал Лариссу! Ему ли, своими глазами видевшему убийство отца, не знать, насколько жесток может быть мир. Но слова Белль о том, что Лариссу может обидеть вмешательство Лукаса в ее жизнь, не выходили у него из головы. Он вспомнил радость своей сестры, когда та сообщила ему, что Белль приедет на Ауру работать над ее платьем.

Черт побери, Белль, пожалуйста, права – ему пора принять тот факт, что Ларисса уже не ребенок. И он ничем не рискует. Белль будет на Ауре, под его неусыпным контролем – тем более что она готова работать над платьем Лариссы день и ночь, а уж он, Лукас, проследит за тем, чтобы обещание было выполнено.

Он вновь посмотрел на нежные розовые губы Белль, представив, как касается их своими, и по его телу снова пробежала волна желания. Он не мог отрицать, что его неудержимо влекло к Белль, а интуиция подсказывала ему, что влечение взаимно.

Белль встала из-за стола и протянула Лукасу руку.

– Отдайте телефон, пожалуйста, – быстро проговорила она. – Мне нужно позвонить в аэропорт, чтобы узнать, могу ли я поменять обратный билет.

Он надел очки и поднялся, а затем вложил телефон в ее руку. Прикосновение его пальцев длилось всего долю секунды, но ее бросило в жар – казалось, каждый ее нерв дрожал от неистового желания. «Возьми себя в руки», – мысленно одернула она себя. Покраснев, Белль скрестила руки на груди и начала просматривать список контактов в телефоне в поисках номера афинского аэропорта.

– Хватит тянуть резину. Пойдемте со мной, если вы хотите ехать на Ауру.

Она резко подняла голову и увидела, что Лукас уже держит самый большой из ее чемоданов, и, пока она удивленно наблюдала за ним, он обошел вокруг стола, подхватил другой ее чемодан и вышел из бара.

– Подождите!

Он шагал быстро и уже перешел через дорогу. Белль неуклюже побежала следом, проклиная свои высоченные каблуки и гальку, которой была вымощена набережная.

– Вы хотите сказать, что все же доверите мне работу над платьем Лариссы? – Она была озадачена такой внезапной переменой планов. – Не боитесь ли вы, что я облапошу вашу сестру, как та женщина, – смоюсь с деньгами, оставив ее без

свадебного платья? – с горечью спросила она, все еще злясь на него за грубость.

– Нет, не боюсь.

Они дошли до края набережной. Лукас, закинув чемоданы Белль в свою лодку, повернулся к ней:

– Я абсолютно уверен, что вы сошьете то платье, о котором Ларисса мечтала, и сделаете ее счастливой. Потому что, если вы этого не сделаете, – от зловещей улыбки Лукаса по спине Белль пробежал озноб, – будете отвечать за это передо мной.

Белль потеряла самообладание. Лукас Христакис был не просто надменным и грубым – ему явно нравилось командовать людьми и запугивать их.

– Вы мне угрожаете, мистер Христакис? – возмущенно спросила она, уперев руки в бока. Ей вдруг захотелось быть выше ростом, чтобы не смотреть на Лукаса снизу вверх.

– Просто предупреждаю, – бархатным голосом отозвался он. – Если вы разочаруете меня, а тем более Лариссу, ваша фирма больше не сможет заработать денег нигде в мире.

Богатство и репутация одного из самых блестящих и безжалостных бизнесменов в мире давали ему огромную власть, и Белль не сомневалась, что раздавить ее маленькую компанию ему не труднее, чем растоптать муравья.

– Так вы идете или нет? Я не могу ждать весь день, когда вы примете решение.

Он уже сидел в лодке и протягивал руку, чтобы помочь ей сесть. Белль злобно подумала, что была бы рада послать его куда подальше, но проблема в том, что ей действительно нужен этот заказ – если она не выплатит кредит банку, ее фирма обанкротится и без всяких действий со стороны Лукаса.

На высоких каблуках и в узкой юбке она не могла сесть в лодку без помощи. Она нехотя наклонилась вперед, чтобы взять его за руку – и вскрикнула от неожиданности, когда Лукас, не в силах больше терпеть ее нерешительность,

схватил ее за талию и спустил с набережной в лодку. За несколько секунд, которые она провела в его объятиях, ее мысли совсем спутались, а от близости его мускулистого торса и мощных бедер к ее телу у нее запорхали бабочки в животе.

– Спасибо, – ледяным тоном произнесла она, – но я бы отлично справилась и сама, мистер Христакис...

– Ерунда, – прервал он ее на полуслове. – На этих каблучищах вы похожи на новорожденного жеребенка. И зовите меня Лукас. Моя сестра очень хотела, чтобы я привез вас на Ауру, поэтому нам лучше называть друг друга по имени... Белль.

От того, как он произнес ее имя, по спине Белль побежали мурашки, а от улыбки, тронувшей уголки его чувственных губ, перехватило дыхание.

– Держите свою шляпу, а то ветром унесет! – Лукас снял элегантную кремовую с черным шляпу с головы Белль и замер от восхищения, когда шелковистая волна золотых волос ниспала почти до ее талии. Он был прав, предположив, что она блондинка – на солнце ее волосы отливали платиной. Оттенок не был похож на естественный, но, поскольку Белль была такой миниатюрной, что доходила Лукасу лишь до середины груди, он без труда мог рассмотреть ее макушку сверху – темных корней не было видно.

Ветер бросил Белль в лицо несколько прядей, и Лукас, не в силах сдержаться, протянул руку и откинул волосы с ее щеки. Сердце Белль замерло, когда она, посмотрев в темно-серые глаза Лукаса, обнаружила, что они утратили холодный стальной блеск и теперь горели таким огнем желания, что Белль, к ее стыду, захотелось, чтобы он прижал ее к себе и накрыл ее губы своими с той безудержной страстью, которую она угадывала в нем. Как ее могло так сильно тянуть к нему, если он обладал всеми теми качествами, которые она ненавидела? Это не более чем физическое притяжение, отчаянно уверяла себя Белль, всего лишь животное чувство, которое она не в силах контролировать.

Белль обернулась на остров Кеа, оставшийся далеко позади, и вдруг ее захлестнула паника: ее жизнь уже никогда не будет прежней после того, как она ступит в личные владения Лукаса Христакиса.

Глава 3

– Большая часть этого берега Ауры покрыта лесами, – объяснил Лукас, когда они приблизились к острову.

Белль отметила красоту темно-зеленых кипарисов, выстроившихся вдоль берега как безмолвные часовые, охраняющие остров. Пляжа не было; серые утесы спускались к морю, образуя естественную гавань, в которой был построен деревянный причал. Издалека море казалось бирюзово-синим, но, когда Лукас посадил лодку на мель, вода оказалась настолько прозрачной, что Белль увидела косяки рыбок, сновавших в ней серебристыми стрелами. Любуясь ими, она перегнулась через борт и опустила руку в воду.

– Какая прелесть! – пробормотала она, перекидывая свои длинные волосы через плечо.

Лукас едва сдерживал желание запустить пальцы в шелковистые светлые пряди, силясь сосредоточиться на привязывании лодки к причалу.

– Как сын рыбака скажу, что хорошего улова из них не получится – всего пара пригоршней.

– А мне вообще было бы жалко их есть, они слишком красивые, – засмеялась Белль, забыв о своем недовольстве высокомерием Лукаса. Она оглянулась вокруг, впитывая в себя красоту пейзажа – ярко-синее небо и такое же море, обветренные серые утесы, которые при ближайшем рассмотрении оказались усыпаны крохотными розовыми цветочками. – Божественное место, – сказала она.

Лукас нетерпеливо фыркнул. Появление Белль Андерсен на острове неминуемо приведет к неприятностям. Он должен был последовать своему первому порыву, когда увидел ее хрупкую фигурку на набережной, – развернуть лодку и уплыть. Вместо этого он привез ее к себе домой. Он редко достаивал женщин, в том числе своих любовниц, такой чести. Аура была его личным царством, островком мира и покоя, где он мог расслабиться и отдохнуть от работы. «Теперь же я чувствую все что угодно, но только не покой», – иронически думал он,

протягивая Белль руку, чтобы помочь ей подняться на причал, и чувствуя легкий цветочный аромат ее духов. Он был возбужден с тех пор, как посадил ее в лодку на Кеа и почувствовал прикосновение ее сосков к своей груди.

– Theos, – тихо проворчал Лукас. Он меньше всего на свете хотел бы влюбиться в эту блондинку, обладавшую ангельской внешностью и невероятно острым языком.

От причала вверх поднималась тропинка, исчезающая за высоким утесом. Подъем был довольно крутым.

– До моего дома всего пять минут ходу, – объяснил Лукас, подхватывая оба чемодана Белль, – но тропинка местами неровная. – Он взглянул на новенькие блестящие черные туфли Белль и поморщился. – Вы справитесь? Разумнее было бы сменить обувь на более удобную.

Разумнее! Как же Белль ненавидела это слово. Оно ей напоминало ее юношеские годы и бесчисленные споры с Джоном на тему ее одежды, обуви и макияжа.

– Я не допущу, чтобы моя дочь одевалась как проститутка! – кричал Джон, краснея от гнева.

Это была его любимая фраза. Он конечно же уже тогда – в отличие от самой Белль – знал, что она ему не дочь. Она была для него вечным напоминанием о неверности ее матери, и Джон вымещал на ней свою обиду. Каблуки высотой больше дюйма были под запретом, так же как и короткие юбки и узкие джинсы – словом, все современные наряды, которые носили сверстники Белль.

– Ты будешь делать так, как я говорю, потому что я – взрослый, а ты – ребенок.

После каждой подобной стычки с Джоном в душе Белль поднимался протест, и теперь надменное выражение на лице Лукаса вызвало у нее то же чувство.

– Я всегда хожу на каблуках, и для меня это не составляет никакого труда, – спокойно ответила она. – Вот увидите, я без проблем осилю эту тропинку.

Гордо держа голову, она развернулась, зацепилась каблуком за пучок травы у края тропы и споткнулась – от падения ее спасла только молниеносная реакция Лукаса, тут же бросившего чемоданы и схватившего ее под руку.

– Да я уже вижу, что вы скачете по горам ловко, как молодая серна, – сухо заметил он. – Попробуем еще раз – осторожнее. И лучше наденьте шляпу. – Он бесцеремонно нахлобучил шляпу ей на голову. – Солнце сейчас самое жаркое, и вы с вашей светлой кожей рискуете обгореть до цвета вареного рака.

Не дожидаясь ответа, он подхватил ее чемоданы и пошел впереди нее по тропе, не оборачиваясь. Белль сделала глубокий вдох и осторожно пошла следом, смотря под ноги, чтобы не упасть. Тропинка поднималась к вершине утеса, и на вершине Белль остановилась, чтобы полюбоваться пейзажем. С одной стороны расстилалась сверкающая синяя гладь моря, испещренная островами, ближайшим из которых был Кеа. С другой стороны пейзаж Ауры составляли в основном серые скалы, зеленая растительность, высокие, стройные кипарисы и густые оливковые рощи, под которыми простирался яркий красный ковер из весенних маков.

– На острове живет много людей? – спросила она Лукаса, замедлившего шаг, чтобы Белль могла догнать его. – Внизу, в долине, виден поселок.

– Много лет назад здесь было небольшое поселение, в основном рыбаки. Мой отец родился на Ауре. Но на Кеа гавань больше, и постепенно все уехали, оставив Ауру необитаемой – пока я не купил ее три года назад.

– Так в этих домах никто не живет?

– Сейчас в поселке живет моя прислуга со своими семьями. Многие дома были в плохом состоянии, но у меня есть бригада строителей, которая постепенно их реставрирует. Здесь также есть церковь – в ней Ларисса будет выходить замуж.

– Надеюсь, церковь большая, – ответила Белль. – Ларисса говорила мне, что на свадьбу приглашены сотни гостей.

Лукас поморщился:

– Да, у ее жениха множество родственников, с половиной которых Ларисса не знакома. Церковь очень маленькая, поэтому во время церемонии большинство гостей будут размещены на площади, на которой стоит церковь, а празднование состоится на вилле – там места намного больше.

Белль удивленно посмотрела на Лукаса. Интересно, каких же размеров его вилла?

– Неужели в вашем доме найдется место для ночлега такого количества гостей?

– Боже упаси!

Выражение ужаса на его лице при мысли, что в его доме будут ночевать гости, было почти смешным и в то же время делало его чуть более человечным в глазах Белль.

– Большинство гостей будут ночевать в Афинах или на Кеа. Я заказал несколько вертолетов, на которых гости прилетят на Ауру, а некоторые из них поедут на лодке.

– Это мне кажется полным кошмаром. Не легче ли было бы устроить свадьбу в Афинах?

Лукас пожал плечами:

– Возможно. Но Ларисса хочет выйти замуж именно здесь, и я готов горы свернуть, чтобы у нее была та свадьба, о которой она мечтает.

Не может быть никаких сомнений в том, что он обожает свою сестру. Не слишком ли строго она его судит? Может, он не такой уж и деспот, каким она его себе представила?

Дальше они шли молча. Тропа стала шире, и теперь Белль шла рядом с Лукасом. Виды, открывавшиеся с вершины утеса – как море, так и пейзаж самого острова, – были великолепны, и Белль ничуть не удивляло, что Ларисса хотела бы сыграть свадьбу в таком красивом месте – но сейчас мысли ее были заняты не Лариссой, а ее братом.

– Вы сказали, ваш отец родился здесь, на Ауре, но вы сами, как я понимаю, нет?

– Нет, остров стал необитаемым еще задолго до моего рождения. Я родился на Кеа, там прошло мое раннее детство. Ларисса тоже там родилась, но она не помнит этих мест, потому что мы переехали в Америку, когда она была совсем маленькой.

– Почему ваша семья уехала из Греции? – спросила Белль.

– Чтобы заработать на жизнь. – Лукас поджал губы. – Рыбацкая лодка моего отца потерпела крушение во время бури, и у него не было денег на новую. Но без лодки он не мог ловить рыбу, а следовательно, и кормить семью. Его дальний родственник, владелец продуктового магазина в Нью-Йорке, помог нашей семье переехать. Мои родители начали работать в магазине, и, когда Ксенос умер, магазин перешел в их собственность.

– Наверное, нелегко было переезжать с маленького острова в огромный город. Я переезжала много раз, когда была ребенком, – мой отчим служил в армии, и мы жили там, где приходилось останавливаться ему. – Белль вспомнила, как тяжело было вечно быть новенькой в школе, каждый раз заново приспосабливаться и стараться завести друзей. – А уж переехать в другую страну мне было бы и вовсе тяжело. – Она взглянула на бирюзовое море, сверкавшее на солнце. – Неужели вы не скучали по всей этой красоте?

– Скучал постоянно. Но тогда я был моложе и легче приспосабливался к переменам. – В его голосе зазвучала грусть. – А у моего отца просто сердце разрывалось, когда он уезжал из Греции.

– Наверное, он был очень рад, узнав, что вы купили Ауру – остров, где он родился.

Лукас замялся на несколько секунд, а потом пожал плечами. Все равно каждый мог узнать основные факты его биографии – для этого достаточно было набрать его имя в Интернете.

– Он об этом так и не узнал. Он умер через полтора года после того, как мы переехали в США, а еще двумя годами позже умерла моя мать.

– Простите, я не знала... – Она осеклась. С какой стати она должна была знать о трагедии, потрясшей семью Лукаса? Она встретила его менее часа назад, они практически незнакомы – и все же ее сердце болело за него. И почему она так уверена, что он прячет свою боль за непроницаемым выражением серых глаз? «Может, потому, что я сама научилась скрывать свое горе об ушедшей матери и притворяться, что все в порядке», – мрачно подумала она.

Вдруг ее осенило.

– Наверное, Ларисса была маленькой, когда умерли ваши родители. Кто заботился о ней после их смерти?

– Я. Больше никому было. Она почти не помнит отца, и я старался быть ей как отец. Но ей очень не хватало матери, и до сих пор не хватает – особенно сейчас, когда она готовится к свадьбе. – Он тяжело вздохнул. – Вы сами знаете, между матерью и дочерью всегда есть особая связь...

Его слова задела Белль за живое. Ком подступил к горлу, и она не сразу смогла ответить.

– Да, – наконец тихо произнесла она. – Я знаю, каково это.

Она взглянула вдаль, на горизонт. Ее глаза затуманились от слез, и четкая граница между морем и небом начала размываться. У нее тоже была особенная связь с матерью – во всяком случае, так ей казалось. Но в те годы, когда она росла, Гудрун так и не открыла ей правду об отце. Обида на предательство так же сильно жгла ее сердце, как и горе утраты.

– Белль... Что случилось? – Лукас вдруг осознал, что она отстала, обернулся и увидел ее смотрящую на море. Ее лицо было наполовину скрыто под широкополой шляпой, но он чувствовал ее печаль.

– Я просто любовалась пейзажем. – Белль отчаянно заморгала, прежде чем повернуться к Лукасу. Она прогнала свои мрачные мысли и последовала за ним, стараясь думать о работе, которая ждала ее на Ауре.

Они прошли еще несколько метров по тропе, прежде чем увидели развилку. Одна из тропинок спускалась вниз к ступенькам, выдолбленным в утесе, которые вели к белому песчаному пляжу внизу, а другая обрывалась у ворот из кованого железа, врезанных в высокую каменную стену. Лукас нажал кнопку, и ворота плавно открылись.

- Добро пожаловать на виллу «Елена».

- Ах! - Открывшийся перед Белль вид вмиг отвлек ее от печальных размышлений. - Это... невероятно, - выдохнула она, любуясь суперсовременной архитектурой белоснежной виллы, из многочисленных окон которой наверняка открывались потрясающие виды на море.

Лукас кивнул.

- Мой дом, - просто сказал он.

Белль не могла себе представить, сколько эти слова значили для него. На протяжении всех долгих лет, которые он прожил в унылом многоквартирном доме в бедном районе Нью-Йорка, Лукас постоянно помнил о своей родине и мечтал о том, что когда-нибудь у него появится свой собственный дом у сапфирово-синих вод Эгейского моря.

Благодаря своему быстрому уму, беспощадной решительности и годам неустанной тяжелой работы он создал свою компанию, добился огромного успеха и претворил в жизнь свою мечту - построил дом на любимом острове для себя и Лариссы.

Этот дом стал бы и домом его ребенка - вернее, должен был стать. Знакомое чувство горечи захлестнуло его сердце. Он купил остров, когда Сэди сообщила ему о своей беременности, и нанял архитектора, который построил роскошную виллу для его любимой женщины и их будущего ребенка. Но Сэди так и не увидела виллу, и ребенок не родился - она об этом позаботилась. Лукас сжал челюсти, закипая от злости при воспоминании о ее предательстве. Она знала, как он хотел этого ребенка, но мечтала о славе и не собиралась мириться ни с какими препятствиями на пути к ней. Ларисса была единственным человеком, которому он доверял, - именно она убедила его прекратить заливать свое горе виски. Он никогда не забудет, как его сестренка, о которой он заботился с тех

пор, как умерли родители, сама стала опекать его. В самые трудные минуты его жизни, когда его душу терзали боль и гнев, Ларисса была рядом. Но скоро она уедет с острова в дом, который Лукас купил для нее и Георгиоса в Афинах. Он тяжело вздохнул. Теперь его младшая сестренка стала взрослой, и ее пора отпустить – но он и представить себе не мог, что это будет так трудно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: <https://tellnovel.com/shantel-shou/ih-korotkiy-roman>

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)